

УДК 82-31
ББК 44*84 М-11

А.Х. Мусукаева

**О РОЛИ ЭТНО-
ФОЛЬКЛОРНЫХ
ТРАДИЦИЙ
В СЕВЕРОКАВКАЗСКОМ
РОМАНЕ
(Е. УРУЙМАГОВА
«НАВСТРЕЧУ ЖИЗНИ»)**

Исследуются роль и место художественно-этнографических и мифо-фольклорных традиций в жанре романа. Анализ проводится на материале произведения осетинской писательницы Е. Уруймаговой «Навстречу жизни». Подробно рассматриваются вопросы фольклорных и мифо-эпических мотивов в литературах региона, определяется воздействие этно-фольклорных традиций на творчество писателей. Роман «Навстречу жизни» анализируется в соотношении самостоятельных художественных систем – литературы и фольклора, при этом учитывается, что этно-фольклорные традиции в национальной романистике – один из способов обогащения её поэтики.

Ключевые слова: роман, миф, фольклорные традиции, художественный этнографизм, символика.

Мусукаева Анджелла Хамитовна – докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы Института филологии Кабардино-Балкарского государственного университета
Тел.: 8(8552) 47-44-04; 8-938-692-73-43

© Мусукаева А.Х., 2015.

В данной статье мы ставим цель исследовать специфические особенности этно-фольклорных традиций в жанре романа северокавказских литератур периода 1960 – 1980-х гг., на материале романа Е. Уруймаговой «Навстречу жизни» (осетинская литература).

Этно-фольклорные истоки и традиции в северокавказской романистике привлекают внимание исследователей и, можно сказать, что фактически ни один из них не прошел мимо этой проблемы и специально, и в теоретических аспектах. Изучены и продолжают изучаться вопросы современных результатов воздействия этно-фольклорных традиций, их типологических трансформаций, а также творческого, современного прочтения культурного наследия в произведениях художников слова [Ш. Джикаев, 1972; Л. Бекизова, 1974; Ш. Дюмезиль, 1979; У. Далгат, 1981; Р. Бикмухаметов, 1983; Г. Гамзатов, 1986а; А. Мусукаева, 1993; М. Хачемизова, 2005; Л. Бекизова, 2008; и др.]. Этно-фольклорные традиции и шире – традиции народной культуры в прозе – актуальная проблема современного литературоведения, одна из своеобразных граней облика северокавказской романистики, один из способов и принципов обогащения ее поэтики, хотя концептуальная роль народной культуры прослежена на сегодняшний день в трудах исследователей гораздо меньше.

Речь не только о широком и целенаправленном использовании легенд, притч, сказаний, или обращении к народным верованиям, обрядам и т.д. Важно увидеть

и проанализировать их гуманистический смысл и проявить понимание того, почему во всех сложных перипетиях и событийных коллизиях главенствует человек, его деяния и мировидческий комплекс. Вне такого видения и понимания в диалоге литературы с народной культурой будет отсутствовать главное: причины и значение жизненности и неизбытности наследия, питающего письменное слово.

Остановимся прежде всего на проблемах фольклоризма.

Исследователями отмечается, что «наиболее очевидными формами фольклоризма выступает фольклоризм стилистически-речевой, фольклоризм поэтического строя литературного произведения и фольклоризм социально-этнографический» [Гамзатов, 1986б, с. 27]. Анализируя каждую из этих форм, способы и методы их использования в художественном произведении, можно видеть индивидуальные особенности таланта писателя, национальную почву, давшую толчок его дарованию, поэтические народные источники его творчества и, особенно, романного мышления.

Вопросы фольклоризма и мифопоэтического сознания особенно интенсивно исследуются в молодых литературах, где их влияние наиболее сильно. Проблемы эти анализируются как в теоретическом аспекте, так и специально, в историко-литературном ракурсе. И интерес этот закономерен, так как в нем заключено внимание к художественным традициям в целом, к генетическим духовным истокам художественного слова во всем их разнообразии и богатстве. Л. Якименко пишет: «исторический опыт народной жизни, отраженной в мифе, легенде, дает возможность с новых позиций взглянуть на действительность, приводит к обостренному осознанию процессов, происходящих в современной жизни» [Якименко, с.103].

Литературы Северного Кавказа уже на первых этапах своего развития взяли на вооружение художественное разнообразие и богатство родного фольклора, включив в свою орбиту как эпические, так и малые жанры. В нартском эпосе масштабность изображения, восходящая к космическим, вселенским масштабам, богатырским (нартским) подвигам героев, тесно сочеталась с бытописанием, обращенным к злобе дня, и этот принцип на первых порах многие писатели положили в основу романного изображения.

В творчестве каждого писателя в той или иной степени сохраняются результаты воздействия этно-фольклорных традиций.

Рассматривая произведения современной романистики, следует говорить о широком влиянии фольклора, о типологической трансформации его традиций, наконец, о творческом, умелом использовании их в произведениях многих художников слова. Этно-фольклорные традиции и шире – традиции народной культуры в современной литературе – одна из своеобразных граней художественного облика северокавказской романистики, один из способов обогащения ее поэтики. «Фольклор объемлет богатейший комплекс идейно-эстетических представлений народа» – пишет У. Далгат, [с. 11], и один из первых плодотворных ре-

зультатов соприкосновения его с литературой – постижение этих представлений.

Обращение к этно-фольклорным традициям нередко трактуется с точки зрения «вспомогательной»: фольклор – подспорье литературы, первая ее ступень в художественном освоении мира. Но следует, вероятно, помнить о том, что фольклор и литература – два разных и самостоятельных художественных мира, две системы, и поэтому нельзя ограничивать как значение художественного опыта фольклора для литературы только первыми периодами ее становления, так и видеть его только стимулирующую роль. Опыт его важен всегда, но на каждом этапе литература по-своему взаимодействует в нем. Творческая активность фольклора несомненна и в современной литературе, когда мы встречаемся с новым осмыслением мифов, легенд, сказаний и т.д. К примеру, образцом взаимодействия мифологических представлений с современным взглядом можно считать известную легенду о Манкурте и его матери (Ч. Айтматов «И дольше века длится день...»).

Нартский эпос для народов Северного Кавказа – первая стадия художественного освоения действительности. Как отмечает Р. Фидарова, он «для древних людей был синтезом всех ранних форм общественного сознания. В нем воплотились этнические, эстетические, религиозные, философские представления, семейно-нравственные и общественные идеалы многих поколений, их мечты и надежды» [Фидарова, с. 74]. В эпосе народов Кавказа немало общих тем, сказаний, есть общие герои в адыгском (адыгейско-кабардино-черкесском), осетинском, абхазском, карачаево-балкарском эпосе.

Происхождение мифологических героев у разных народов разнообразно: из пламени, из камня, из воды, из ореха и т.д. Известно о волшебном рождении Сосуко из камня. Интересно, что в «Сказках и мифах Океании» также приводится пример чудесного рождения одного из популярных героев мифа – Квата. Его мать «была камнем на дороге. Камень раскололся, и из него вышел Кват» [Мифы народов мира, с.133]. Немало идентичных примеров можно найти и в других мифах и сказках народов мира.

В лучших романах северокавказского региона 50-60-х годов (Ж. Залиханов, А. Кешоков, Д. Костанов, И. Машбаш, Х. Теунов, Е. Уруймагова, А. Шортанов) мифологические, фольклорно-этнографические сюжеты и темы трансформируются. Мы редко встретим «прямое» включение фольклорного сюжета в произведение, оно выглядело бы инородным, будучи внесенным в художественное повествование насильно, с определенной и плохо завуалированной целью. Фольклорные сюжеты, темы, символы, народные обычаи, обряды вводятся в большинстве случаев органически в тематическую, сюжетно-композиционную плоть романа, т.е., можно сказать иначе – фольклорно-этнографические мотивы в романах – это та художественная почва, на которой разворачивается изображение.

Обнаруживая этно-фольклорные мотивы или фольклорную символику в том или ином литературном произведении, мы не считаем свою задачу выполненной. Близость и совпадения еще не свидетельствуют о глубине и значимости фольклоризма в литературе. И не всегда примеры совпадений можно рассматривать как генетическую связь устного народного творчества и письменной литературы. Реальное, фактическое влияние фольклора на литературу значительно шире этих материализующихся в письменной литературе и легко поддающихся «вычислению» фольклорных конструкций, художественных приемов, средств и т.д.

Роман Е. Уруймаговой «Навстречу жизни» – одно из наиболее значительных произведений не только осетинской, но и всей северокавказской романистики. «Композиционное своеобразие романа определяется его проблематикой. Используя прием антитезы, автор строит свое произведение вокруг двух тематических центров и развивает события по двум сюжетным линиям, которые перекликаются между собой» – отмечается в «Очерках истории осетинской литературы» [Очерки истории..., с. 276].

Первая и основная сюжетная линия романа Е. Уруймаговой «Навстречу жизни»¹ – стремление народных масс к освободительной борьбе, формирование их сознательности. Тема народа решается в романе не только образами отдельных борцов, но и яркими массовыми сценами, отражающими общий рост сознания крестьянства. Массовые сцены складываются из десятков кратких, но емких описаний человеческих судеб, характеров, настроений, т. е. народная масса в романе не однородна, не безлика, она имеет четко определенную историческую, политическую, художественно-психологическую характеристику. В качестве одного из примеров можно привести сцену отправки политических заключенных в Сибирь, в которой дается емкая психологическая характеристика многих героев: это Михеич с Сашенькой, и невестка Сафы Абаева Сурат, это и крестьяне-горцы, делящиеся скудными припасами, и казачка, проклиная конвоиров: «Окрики полицейских, звон кандалов, надрывный стон, плач, рыдания – и среди всего этого бодрые слова Сергеева: «Товарищи, не оплакивайте нас... придет час и нашего торжества»².

Вторая сюжетная линия романа – деградация класса имущих, чья судьба неизбежно предрешена историческими событиями начала XX в. Тема вымирания, распада в романе воплощается описанием судеб двух семей «власть имущих» – Санянт Гуларовой и Сафа Абаева. Образом Санянт, гибелью ее семьи роман «Навстречу жизни» перекликается с классическими произведениями русской литературы XIX в., в частности с романом М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». В. Гоффеншефер также отмечал в свое время, что роман «Навстречу жизни» образной системой близок произведениям русской и советской классики, приводя в качестве примера произведения А.Н. Островского, А.М. Горького.

Арина Петровна Головлёва и Санянт Гуларова – близкие друг другу по духу люди. Все свои силы, любовь, жизнь они отдают одной цели – на-

копительству, но время неумолимо, и они теряют и богатство, и наследников, для которых это богатство копилось. Философское кредо Саният раскрывает её высказывание: «Люди – волки. Они стараются растерзать тех, кто слабее... Деньги дают власть, а власть даёт силу...».

Одним из наиболее ярких характеров в романе является Темур Савкуев, представитель дур-дурских крестьян, выселенных с родных земель помещиком Тугановым. Судьба Темура – типична для обездоленных крестьян, именно поэтому он оказывается втянутым в водоворот крупных событий в жизни осетинского народа. Уход героя в абреки вызван ситуациями личного, семейного характера, но дальнейшее развитие событий приводит его к выводу, что есть вещи важнее личной мести. Дальнейший путь борца-одиночки писательницей намечается определенно: это будущий организатор и руководитель народных масс, твердо знающий методы борьбы и ее конечные цели. Но не столь все просто в художественном решении сложного, порой противоречивого «образа Темура». В романе художественно обнаруживается процесс формирования, мужания героя: от абрека до сознательного борца.

В романе «Навстречу жизни» особенности сюжетно-композиционного построения романа определяются той глубиной и масштабностью исследования событий, которые воссоздает художник слова. Знание жизни простого народа, крестьянской деревни, сложности и специфики взаимоотношений в горской семье, в быту, охват многих социальных слоев общества, проникновение в воссоздаваемое время и среду способствовали появлению глубоко реалистического и эпического полотна. Проблемы многогеройности и многоплановости романа были решены Е. Уруймаговой на высоком художественном уровне.

Представителей народных масс автор наделяет лучшими чертами: они горды, независимы, честны, справедливы. Так, характер независимой крестьянки создан автором в образе Разият: она горда даже своим по-крестьянски бедным положением, у неё золотые руки горянки, у которой «от вечерней зари до утренней... черкеска на тридцати крючках бывает готова...». Габо, стремянный помещика Туганова, сразу почувствовал на себе независимый характер Разият, лишь заговорил о том, что она нравится помещику Амурхану: «Предложите помещику свою сестру, а если не считаете зазорным говорить такое мне, замужней женщине, так предложите своей жене», – прервала она Габо, зардевшись от стыда». Трагична судьба Разият, как была трагична судьба простой крестьянки в то время. В романе создано несколько женских образов, разных по социальному положению, по характеру, по жизненному пути. Это Саният Гуларова, Сурат и Лидия Ивановна – невестки Сафа Абаева, Разият, женщины – казачки, крестьянки – осетинки, и, наконец, это – Залина. Именно ее образом автор прослеживает борьбу женщины – горянки за свое место на земле, за свою судьбу. Образ Залины – одно из наиболее значительных художественных достижений в романе. Ей свойственны острое чувство добра и справедливости: даже попав в дом Абаевых, став женой Владимира, Залина не примеряется, ищет новые пути борьбы.

В романе «Навстречу жизни» изображение народных обычаев, обрядов и поверий занимает значительное место.

Картины выселения дур-дурских крестьян с родных мест трагичны и реальны: «И поднялось село Дур-Дур с насиженного веками места, и огласился вечерний воздух стонами проклятья... Арбы, наполненные крестьянским скарбом: тюфяками, корытами, ситами, овчинными полушубками; дети, засунутые между подушками и одеялами; больные с запрокинутыми назад усталыми головами; тревожный собачий лай, блеяние овец, мычание коров, скрип сухих колес, детский крик, женские проклятия, глухие окрики мужских голосов – все это было словно во сне.»

Органичны в этой суровой картине жизни мотивы народных обычаев.

«Невысокая полная женщина, распустив седые волосы, била себя то в грудь, то по щекам и продолжала голосить: «Одеть бы вам, нашим мужьям и сыновьям, вместо шапок мужских платки бабьи за то, что не нашли в себе отваги мужской отстоять очаги наши и цепь надочажную». Картина, рисующая женщину с распущенными волосами и проклятиями, типична для траурных ситуаций у осетин. Осетинские женщины, как и женщины других народов Северного Кавказа, не принимали участия в общественной жизни общины, но их мнение, а часто и подстрекательная роль были определяющими. Именно они зачастую заставляли мужчин не идти на компромисс в кровной вражде, не прощать обидчикам, кровью мстить за притеснения и угнетения.

Е. Уруймагова далее уже научно объясняет, почему в словах героини прозвучала эта необходимость обратиться к «надочажной цепи»: «надочажная цепь – железная цепь над очагом для подвешивания котла, считавшаяся у осетин священным предметом, символом устойчивости семьи, фамилии». С центральным жилищем, являющимся организующим центром семьи, связывались у народов Кавказа домашний очаг и культ предков. Именно очаг и связанные с ним праздники и церемонии объединяли семью, делали ее стойкой перед разрушительными силами исторического процесса. В связи с поклонением огню народы Кавказа почитали и надочажную цепь. «Очаг и цепь, – читаем у Н.И. Березина, – священные предметы. Это символы семьи и рода. Во многих местах клянутся и присягают, касаясь рукой цепи, ее же целует новобрачная, вступая первый раз в дом мужа» [Березин, с. 16].

Об особом отношении горцев к надочажной цепи, котлам и другим принадлежностям очага свидетельствует высказывание М.М. Ковалевского: «Ни одна семья, несмотря на крайнюю нужду, не решится продать эти вещи, которые, по их мнению, настолько же священны, как и могилы предков» [Ковалевский, с. 326].

В случае раздела большой семьи и выделения сыновей, старший в семье обращаясь к культу предков, просил на то согласия, после же выделения новой семьи огонь из отчего очага переносили в новый. Гор-

цы считали, что этим поддерживается связь поколений, продолжается жизнь и процветание семьи и фамилии [Лонгворт].

С понятиями отчего дома, домашнего очага связывался и культ старших в роду, фамилии. К старшим относились как к хранителям родовых, семейных и фамильных традиций, считали их нравственной опорой общества и носителями культурных ценностей. Не случайно у горцев бытует пословица: «Без старшего в доме плохо горит огонь». Старшие были главами семейств, фамилий, входили в состав старейшин сельских общин [Ковалевский, с. 549]. Не случайно положение старших глав семейств дало основание этнографам назвать позднюю северокавказскую большую семью «отцовской». Глава такой семьи обладал неограниченной властью, единолично управлял хозяйством, определял обязанности каждого члена семьи, решал их судьбы, и все это Е. Уруймагова анализирует в романе «Навстречу жизни». Она подчеркивает, что уважительное отношение к очагу, к старшему, к традициям семьи воспитывало чувство родины у горцев. Своеобразное художественное решение в северокавказском романе обретает институт гостеприимства. В романах А. Шортанова «Горцы» (1953), Ж. Залиханова «Горные орлы» (1961), А. Кешокова «Вершины не спят» (1965), «Сломанная подкова» (1973), гостеприимство становится обязательным атрибутом детализации национальной действительности. Е. Уруймагова обращается к одному из аспектов института гостеприимства.

Как должна поступить хозяйка, если в момент прихода гостей мужа нет дома? Гостей могла принять старшая женщина в доме (свекровь) или мужчина – работник. Если же таковых не было, хозяйка, извинившись, должна была отказать в приеме: «Извините, но главы семьи нет в доме, поэтому не могу Вас принять». Героиня Е. Уруймаговой Разият именно так встречает Габо, когда он приходит в дом Темура: «Дела ваши да будут добрыми, – ответила она на приветствие, продолжая стоять у порога. – Мужа нет дома, потому и не зову», – добавила она, «не отходя от порога». Но Уруймагова показывает не просто соблюдение или несоблюдение этикета гостеприимства, традиционные детали народного этикета вплетаются в изображение сложного времени, социальных проблем, человеческих взаимоотношений, конкретизируют изображение, наполняя его дыханием реальности. И поэтому уже с первых страниц читатель обнаруживает четкую расстановку социальных «сил»: Габо – не просто чужой мужчина, он стремянный помещика Туганова, враг Темура, отсюда и соответственное отношение к нему Разият.

Изображение подробностей быта народной жизни, вековых традиций и обычаев – существенная черта романа, свидетельствующая не только о знании писательницей их нравственной и социальной сути, но и значительно повышающая художественный потенциал произведения, его воспитательное значение, которое исследователи, как правило, ранее связывали с идеологическими факторами.

Роман Е. Уруймаговой «Навстречу жизни» становится своеобразной вершиной развития национального романа 1950 – 1960-х гг. Этно-

фольклорные традиции, подробные описания народных обычаев, символика не являются самоцелью, это компоненты, благодаря которым возникают и художественное богатство, и своеобразие жанра. Здесь можно повторить мысль о том, что художественный этнографизм, этнофольклорные традиции создают живой колорит национального бытия, его специфику.

Богатый этнографический материал в сочетании с фольклорными мотивами и разнообразными способами их применения создают полную картину описываемой национальной жизни. Они дают веский повод для философских размышлений о месте человека на земле, о его; назначении, существуют в тесном сочетании с социальными, историческими и философскими проблемами.

Примечания

¹ «Навстречу жизни» – это роман-трилогия. Первая книга издана в 1948 г., вторая – в 1958, роман остался незавершенным в связи со смертью писательницы.

² Цитаты даны по изданию: *Уруймагова Е.* Навстречу жизни. Орджоникидзе, 1970.

Литература

- Бекизова Л.* Литература в потоке времени. Черкесск, 2008.
Бекизова Л. От богатырского эпоса к роману. Черкесск, 1974.
Березин Н. Кавказ. Петербург, 1919.
Бикмухаметов Р. Орбиты взаимодействия. М., 1983.
Гамзатов Г. Взаимодействие литературы и фольклора: проблемы и суждения // Взаимосвязи фольклора и литературы народов Дагестана. Махачкала, 1986а.
Гамзатов Г. Преодоление, становление, обновление: на путях формирования дагестанской литературы. Махачкала, 1986б.
Далгат У. Литература и фольклор. М., 1981.
Джикаев Ш. Фольклор и осетинская советская поэзия. Орджоникидзе, 1972.
Ковалевский М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. М., 1986, т. 1
Лонгворт Дж. Год среди черкесов. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв., Нальчик, 1974.
Дюмезиль Ш. Осетинский эпос и мифология. М., 1979.
Мифы народов мира: в 2 т. Т. 2. М., 1988.
Мусукаева А. Северокавказский роман. Художественная и этно-культурная типология. Нальчик, 1993.
Очерки истории осетинской литературы. Орджоникидзе, 1967.
Уруймагова Е. Навстречу жизни. Орджоникидзе, 1970.
Фидарова Р. Развитие художественного сознания народов Северного Кавказа и проблема характера // Вопросы осетинской литературы и фольклора. Орджоникидзе, 1984.
Хачемизова М. Художественный мир Тембота Керашева. Майкоп, 2005.

Якименко Л. Границы и возможности // ВЛ. 1978. № 11.

References

- Bekizova L. Literatura v potoke vremeni. Cherkessk, 2008.
 Bekizova L. Ot bogatyrskogo eposa k romanu. Cherkessk, 1974.
 Berezin N. Kavkaz. Peterburg, 1919.
 Bikmukhametov R. Orbitsy vzaimodeistviya. M., 1983;
 Dalgat U. Literatura i fol'klor. M., 1981.
 Dyumezil' Sh. Osetinskii epos i mifologiya. M., 1979.
 Dzhikaev Sh. Fol'klor i osetinskaya sovetskaya poeziya., - Ordzhonikidze, 1972.
 Fidarova R. Razvitie khudozhestvennogo soznaniya narodov Severnogo Kavkaza i problema kharaktera // Voprosy osetinskoi literatury i fol'klora. - Ordzhonikidze, 1984.
 Gamzatov G. Vzaimodeistvie literatury i fol'klora: problemy i suzheniya. // Vzaimosvyazi fol'klora i literatury narodov Dagestana. Makhachkala, 1986.
 Gamzatov G. Preodolenie, stanovlenie, obnovlenie: na putyakh formirovaniya dagestanskoi literatury. Makhachkala, 1986.
 Musukaeva A. Severokavkazskii roman. Khudozhestvennaya i etno-kul'turnaya tipologiya. Nal'chik, 1993.
 Khachemizova M. Khudozhestvennyi mir Tembota Kerasheva. Maikop, 2005.
 Kovalevskii M. Sovremennyyi obychai i drevnii zakon. Obychnoe pravo osetin v istoriko-sravnitel'nom osveshchenii. M., 1986. T. 1
 Longvort Dzh. God sredi cherkesov. // Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII-XIX vv. Nal'chik, 1974.
 Mify narodov mira. V 2 t. T. 2. M., 1988.
 Ocherki istorii osetinskoi literatury. Ordzhonikidze, 1967.
 Uruymagova E. Navstrechu zhizni. Ordzhonikidze, 1970.
 Yakimenko L. Granitsy i vozmozhnosti. // VL. 1978. № 11.

Musukaeva A.H. (Kabardino-Balkarsky state university, Nalchik, Russian Federation)

On the role of ethnic and folklore traditions in North Caucasus novel (E.Uruymagova "Towards life")

The article "On the role of ethnic and folklore traditions in North Caucasus novel" is devoted to the study of the role and place of artistic, ethnographic and myth-folklore traditions in the genre of the novel. The analysis is carried out on the material of the Ossetian writer E. Uruymagova "Towards life". The paper discusses in detail folklore and myth and epic themes in the literature of the region and it is determined by the impact of ethnic and folk traditions in the work of writers. The novel "Towards Life" is analyzed in the ratio of independent art systems - literature and folklore, taking into consideration that the ethno-folk traditions in the national Romanist is one of the ways to enrich its poetics.

Key words: *novel, myth, folklore traditions, artistic ethnographism, symbolism.*

Musukaeva Andgella Hamitovna – Kabardino-Balkarsky state university, Institute of linguistics, Russian and Foreign literature dpt. Ph.D. of linguistics, professor. Head of Russian and Foreign literature dpt.

Tel.: 8(8552) 47-44-04; 8-938-692-73-43